

И вдруг является столп огненный, а в нем юноша с огненными крыльями и мечом. Он ободряет плачущих женщин и снова клеймит монахов за их грехи: и старших, и младших, также впадших «во пьянство и в блуд, и в славу и похвалу и в празднословие и в тонцы велики грехи их же мирстии человецы прости не творят и невелигии безумнии человецы и ненаказании, и скоты того не творят».¹² Едва удалось ему умолить пресвятую богородицу, уже хотевшую оставить обитель и предать ее в руки поганых. Но умилилась пресвятая дева. Пусть же принесут ее икону, начнут молебное пение; воин небесного царя поведет ополчившихся на брань, и сарацины будут побеждены.

Начинается осада. В обороне принимают участие и женщины. Молитвенные возгласы мешаются с криками осажденных и осаждающих. Вновь простерся огненный столп от земли до неба. Обе Марии, их мужья — бояре Федор и Василиск, и другие благочестивцы видят, как ангел ходит среди сарацинских полчищ и сражает врагов. «Поганые» бегут в страхе, оставив много убитых, раненых и пленных. Спасенные хоронят своих, лечат раненых, а убитых врагов закапывают в яме за пять поприщ от монастыря. Возблагодарив бога, мать пресвятую и ангела-заступника, обе Марии вместе с мужьями и спутниками возвращаются в свой град.

В рукописи из собрания Буслаева конец иной. Спасаются только избранные и поименованные ангелом, а монастырь сожжен вместе с нечестивыми монахами, которые во время пожара стали грабить соборную церковь. «И бысть в велицей каменной соборней и пречудней церкви между собою у всех пря, презвитери и дякони соборнии, и параклисиархи и клирики на служебных и простейших, и бысть котора и пря велия между има».¹³ Но огонь истребил нечестивцев. А царь, узнав обо всем, построил новый монастырь и вместе с боярами сделал в него великий вклад.

Исследователям предстает нелегкая задача определить источник Повести, очевидно, не являющейся точным переводом с чужеземного подлинника. В ней, как видим, несколько механически спаяны разные сюжеты: и о наказании ангела за ослушание, и о чудесно спасенных детях, и об осаде монастыря сарацинами. Повторения в тексте (уже известную читателям историю вторично пересказывает ангел), немотивированность и неподготовленность его обличительной речи — все это признаки либо распада данного легендарного жанра, либо каких-то сокращений, внесенных в изложение теми, кто переводил или перерабатывал неизвестный нам прототип.

Действующие лица все время взывают в бога, молебствуют. Но бог не очень внимает их молитвам, и без заступничества ангела погибли бы и грешные, и невинные. «Неисповедимые суды божи» в истории двух Марий остаются неразъясненными. Намечающийся образ господина — образ сурового, не допускающего никаких колебаний в исполнении своей воли божества, хотя веления его непонятны не только с точки зрения смертных, но и с точки зрения ангелов.

Примечательна резкость обличения монашеской жизни, в известной мере сближающая данную Повесть с антиклерикальными сатирическими произведениями конца XVII в., возникшими в обстановке религиозного кризиса в Московской Руси данного времени.¹⁴

¹² Рукопись из собрания Буслаева, F.I.1161, лл. 319 об.—320.

¹³ Там же, л. 319 об.

¹⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 256—262.